

И. Франко

ТРУДЫ
ПО ИСТОРИИ
И ФИЛОЛОГИИ
ХРИСТИАНСКОГО
ВОСТОКА

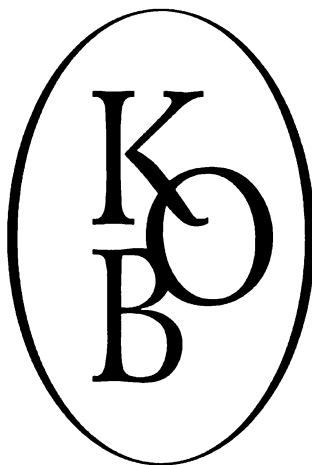

В. Ф. Маринин

ТРУДЫ
ПО ИСТОРИИ
И ФИЛОЛОГИИ
ХРИСТИАНСКОГО
ВОСТОКА

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт восточных рукописей
Институт мировой литературы им. А.М.Горького
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Восточный факультет

КЛАССИКИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Серия основана в 2001 году

РЕДКОЛЛЕГИЯ СЕРИИ

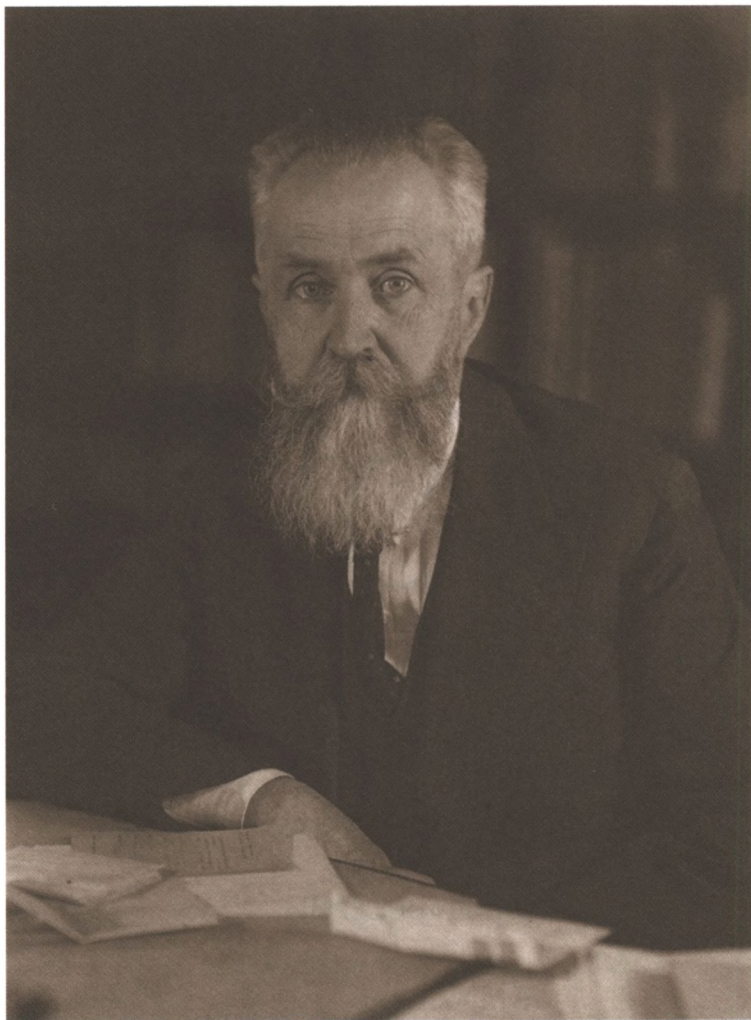
С.А.Тихвинский (председатель)

В.М.Алпатов

А.Б.Куделин

М.С.Мейер

В.С.Мясников

И.Ю.Крачковский
(1883—1951)

И.Ю.КРАЧКОВСКИЙ

Труды
по истории
и филологии
христианского
Востока

МОСКВА
НАУКА — ВОСТОЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА
2015

УДК 821.411.21.0+94(5)
ББК 83.3(0)9+63.3(0=Араб)
К 78

Составитель тома
А.А. Долинина

Составитель раздела II
С.А. Французов

Крачковский И.Ю.

Труды по истории и филологии христианского Востока / И.Ю. Крачковский ; сост. А.А. Долинина ; Ин-т вост. рукописей РАН ; ИМЛИ РАН ; Вост. фак. СПбГУ. — М. : Наука — Вост. лит., 2015. — 901 с. — (Классики отечественного востоковедения; осн. в 2001 г. / редкол.: С.Л. Тихвинский (пред.) и др.). — ISBN 978-5-02-036578-0

В сборник трудов выдающегося российского востоковеда академика И.Ю. Крачковского (1883–1951) вошло все, что было написано ученым о христианском Востоке — от курса лекций до маленьких заметок. В большинстве своем это ранние, давно не переиздававшиеся или вовсе не издававшиеся работы, дающие представление о творческом наследии ученого, посвященном в основном средневековой христианско-арабской и эфиопской литературе, а также теме «Востоковеды и христианский Восток». Том снабжен библиографией и указателями.

ISBN 978-5-02-036578-0

© Долинина А.А., составление, статьи, 2015
© Полосин В.В., перевод, комментарии, 2015
© Французов С.А., статья, перевод, комментарии,
составление раздела II, 2015
© Институт восточных рукописей РАН, 2015
© Редакционно-издательское оформление.
Наука — Восточная литература, 2015

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ ТОМА

Научное наследие академика И.Ю. Крачковского велико по объему и разнообразно по тематике. Большая часть его трудов посвящена истории арабской литературы, художественной и научной; ему принадлежат также работы по арабскому языкознанию, эфиопистике, исламоведению, историографии и палеографии, истории востоковедения, издания и переводы многочисленных исторических и литературных памятников.

К счастью, все его материалы, печатные и рукописные, дошли до нас в очень хорошей сохранности. Сам И.Ю. Крачковский содержал свои бумаги, включая мелкие деловые документы, в идеальном порядке, не говоря уж обо всем, что касалось науки. Он датировал свои рукописи и оттиски статей; относящиеся к ним выписки, дополнения, заметки на маленьких листочках обычно вкладывал в конверты, помечая, к какой работе это относится. Будучи энтузиастом библиографического дела, И.Ю. составлял картотеку изданий своих работ.

После его скоропостижной кончины заботу о наследии ученого взяла на себя его вдова В.А. Крачковская, также арабист, специалист по истории материальной культуры, палеографии и эпиграфике. Вера Александровна пережила мужа более чем на 20 лет; за это время она написала воспоминания о нем, подготовила весь его огромный архив к помещению в академическое хранилище и еще при жизни передала его в Санкт-Петербургский Филиал Архива РАН, где он, вполне доступный для использования, находится и по сей день. Личную библиотеку Игнатия Юлиановича В.А. Крачковская безвозмездно передала в Отдел литератур стран Азии и Африки РНБ в С.-Петербурге.

Много усилий приложила В.А. Крачковская к посмертному изданию и переизданию трудов И.Ю. Крачковского. Помимо отдельных публикаций, среди которых особо следует отметить перевод Корана, подготовленный к изданию ею и П.А. Грязневичем под ред. В.И. Беляева (1963), она, благодаря своей энергии и настойчивости, осуществила почти невозможное для 50-х годов XX в. предприятие: добилась академического издания «Избранных сочинений» И.Ю. Крачковского (1955–1960) в шести томах по 30–50 л. каждый, причем самый объемистый четвертый том (более 73 л.) был отведен публиковавшемуся ранее лишь в небольших отрывках капитальному труду «Арабская географическая литература», большая часть которого была написана во время ленинградской блокады.

В подготовке издания участвовали, помимо самой В.А. Крачковской, привлеченные ею к работе сотрудники Арабского кабинета ЛО ИВАН и Кафедры арабской филологии Восточного факультета ЛГУ — И.Н. Винников, состави-

тель первых трех томов, А.И. Михайлова, на долю которой достался самый сложный 4-й том, А.А. Долинина (т. V и VI); П.Г. Булгаков, Л.Б. Голубева, П.А. Грязневич, Л.И. Николаева, С.Н. Соколов и К.О. Юнусов — составители указателей. Главную роль во всей этой работе сыграл ближайший ученик И.Ю. Крачковского проф. В.И. Беляев (1902–1976), который, надолго отодвинув в сторону свои личные научные планы, целиком посвятил себя этому изданию. Официально он числился редактором трех томов из шести (I, II, VI), но по сути дела под его надзором были подготовлены и изданы также остальные тома, тем более что редакторы их, жившие вне Ленинграда (Б.Н. Заходер, Х.И. Кильберг, Г.В. Церетели), не могли оперативно разрешать многочисленные вопросы, неизбежно возникавшие в процессе такой сложной работы. Мировая арабистика должна быть навсегда благодарна В.И. Беляеву за этот научный подвиг.

Первый том «Избранных сочинений» открывался знаменитой книгой «Над арабскими рукописями», за которую автор посмертно получил Сталинскую премию, далее шли разделы «Арабистика и вопросы культуры народов СССР» и «Арабское языкознание». Второй том содержал работы по средневековой художественной литературе, третий — по новой литературе, четвертый — по географической литературе, пятый — по истории востоковедения. Шестой том включал, как и первый, три раздела: «Ибн ал-Му‘тазз» (средневековая арабская поэтика), «Описание рукописей» и «Арабская письменность на Северном Кавказе».

Эти шесть томов охватывают далеко не все наследие ученого, даже не все его печатные труды, притом ограничения были вызваны не только объемом материала: многие сочинения Крачковского в 50-е годы не могли быть воспроизведены по цензурным соображениям. Ведь составители принялись за подготовку этого издания в самом начале 50-х годов, когда еще не закончились гонения на «космополитов, панисламистов, панарабистов» и др., вследствие чего, в частности, такой раздел, как «Арабская литература на Северном Кавказе», не мог быть включен в том I, где ему, по логике, было самое место; он попал только в том VI, который готовился уже в период «оттепели».

По идеологическим соображениям не могли войти в «Избранные сочинения» и работы, связанные с религиозной тематикой, о чем подробнее будет сказано ниже. Были отвергнуты также отдельные этюды по сравнительному литературоведению, написанные под влиянием идей А.Н. Веселовского, который в период борьбы против «космополитизма» оказался одиозной фигурой. В некоторых статьях о русско-арабских связях приводились критические мнения арабских писателей о революционных преобразованиях в нашей стране — это, разумеется, также не годилось. Сомнения могли вызвать те или иные авторские оценки в работах, посвященных отдельным востоковедам, а некоторые имена вообще нельзя было упоминать (этим и объясняется некая «загадочность» книги «Над арабскими рукописями»). Помимо того, вне поля зрения оставались многочисленные переводы, выполненные на протяжении всего его творческого пути.

Таким образом, из трудов И.Ю. Крачковского, не вошедших в шеститомник, можно составить по меньшей мере еще три тома для серии «Классики отечественного востоковедения»:

один том — труды по истории арабской литературы, средневековой и новой, с включением магистерской диссертации «Абӯ-л-Фарадж ал-Ва'вā Дамасский»;

другой — труды по истории арабистики;

и, наконец, третий, целиком посвященный культуре христианского Востока.

Именно это последнее направление научной работы поначалу представлялось для И.Ю. Крачковского основным, но, по иронии судьбы, эта сторона его творчества в результате оказалась наименее известной. Поэтому мы сочли рациональным обратиться в первую очередь к работам с восточнохристианской тематикой; они и составляют предлагаемый читателю том.

Всего за сорок с небольшим лет (1907–1950) И.Ю. Крачковский подготовил около 60 работ на темы, связанные с христианским Востоком, из них приблизительно половина — небольшие монографические статьи. У этих статей есть одна общая черта, которую мы еще не раз отметим: обязательная связь с текстом. И.Ю. Крачковский не любил обобщающих умозрительных построений с широковещательными выводами, все его выводы и обобщения всегда имели конкретную основу. Его научное творчество с самого начала обладает удивительной особенностью: ни одна его статья, посвященная, казалось бы, сугубо частному вопросу, например описанию какой-либо рукописи, никогда не является самодовлеющей, а включается в широкий исторический или историко-литературный контекст благодаря необыкновенной эрудиции автора, великолепному знанию самых разнообразных источников; таким образом значение рассматриваемого памятника высвечивается с незамеченных ранее сторон. Владение материалом позволяло И.Ю. Крачковскому почти в каждой статье исправлять ошибки предшественников, причем делал он это не оскорбительно, не назойливо, но всегда убедительно. Каждая такая его статья — изящный по композиции и глубокий по содержанию этюд. Разумеется, это свойство характерно не только для работ христианско-арабской тематики, но и для всего его научного творчества.

В настоящем томе собрано все, что написано И.Ю. Крачковским о христианском Востоке — от солидного курса лекций до маленьких одностраничных заметок; в большинстве своем ныне это библиографические редкости. Отбирая материал для настоящего тома, мы опирались на «Список печатных работ И.Ю. Крачковского» И.Н. Винникова, составитель которого руководствовался упомянутой выше картотеккой самого Крачковского; мы систематически обращались к разделу «Крачковiana» в ОЛСАА РНБ, где собраны экземпляры всех опубликованных работ И.Ю. Крачковского из его личной библиотеки (некоторые имеют авторские приписки и добавления), и тщательно изучили соответствующие разделы архива ученого.

Стремясь дать читателю полный свод всего, написанного И.Ю. Крачковским о христианском Востоке, мы включили в книгу и те произведения,

которые в свое время все-таки попали в шеститомник (их около десятка). В большинстве же своем в том вошли ранние, до сих пор не переиздававшиеся или вовсе не издававшиеся работы.

Следуя принципу, высказанному И.Ю. Крачковским в его программной статье «Христианско-арабская литература и ее значение» (см. ниже, с. 37–40), мы не включаем в это издание работы по новоарабской литературе, посвященные авторам, происходящим из христианских семей (Дж. Зейдāн, С. ал-Бустāнй, Мейй, классики сиро-американской школы), чьи произведения воспринимались и на Востоке, и на Западе в первую очередь как достояние общеоарабской литературы. В этом качестве они вошли в т. III «Избранных сочинений», составив значительную его часть.

Правда, Н.Я. Марр при избрании И.Ю. Крачковского в академики особо отмечал его труды, посвященные современным арабским писателям-христианам, ибо, по его мнению, понять новую арабскую культуру «без учета христианско-арабских писателей нет возможности»¹. Мы предпочли, однако, опереться на мнение самого И.Ю. Крачковского.

Желая быть последовательными, мы полностью отказались от публикации в этом томе материалов, связанных с литературой XIX–XX вв., даже когда в творчестве или судьбе писателя, которому посвящено то или иное исследование И.Ю. Крачковского, прослеживается отчетливая связь с христианством. Так, например, за рамками тома остались Нāсиф ал-Йāзиджй (1800–1871), чье творчество блистательно опровергло расхожее в мусульманской среде мнение «ал-‘арабиййа лā татанаṣṣар» («арабский язык недоступен христианам»)², возвышая тем самым престиж писателей-христиан, Ризқаллāх Ḥассун (1825–1880), в поэзии и публицистике которого мы встретим «злейшую полемику с исламом и как религией, и как политической силой»³, Михаил Ну‘айме (1889–1988), выпускник Назаретской учительской семинарии ИППО и Духовной семинарии в Полтаве.

Ставя себе подобные ограничения, мы не касались и такого аспекта темы, как деятельность И.Ю. Крачковского в ИППО/РПО, которая нашла отражение в целом ряде документов — в докладных записках, неофициальной и официальной переписке, дневниках и т.п. Из этих материалов опубликована до сих пор лишь часть⁴.

Если бы позволили силы и время, следовало бы подготовить еще один том, посвященный христианско-арабским материалам XIX–XX вв. в творчестве И.Ю. Крачковского, включив в него также и переводы христианско-арабских авторов Нового и Новейшего времени, напечатанные при жизни И.Ю. и посмертно, а также оставшиеся в архиве.

¹ Ольшевбург С.Ф., Коковцов П.К., Марр Н.Я., Бартольд В.В. Записка об ученых трудах Крачковского, с. 22 (с. 21–22 написаны Н.Я. Марром).

² Крачковский И.Ю. Избранные сочинения. Т. III, с. 231.

³ Там же, с. 158.

⁴ Крачковский И.Ю. Записки о деятельности РПО, с. 137–154. См. также: Долинина А.А. Неволюк долга, с. 89–95; она же. И.Ю. Крачковский и Императорское Православное Палестинское Общество, с. 344–360.

По содержанию и назначению отдельных работ собрание получалось весьма пестрым, несмотря на объединяющее их отношение к христианскому Востоку, поэтому в расположении материала для удобства читателей пришлось отказаться от простейшего хронологического принципа и заменить его систематическим, условно распределив весь материал по четырем разделам:

I. Христианско-арабская литература (статьи, переводы, публикации текстов).

II. Эфиопская литература (статьи, переводы, публикации текстов, курс лекций).

III. Библиографические обзоры, рецензии, каталоги.

IV. Востоковеды и христианский Восток (из истории изучения).

Внутри каждого раздела материал располагается в хронологическом порядке; необходимые отступления от него всякий раз оговариваются. Подробная характеристика содержания каждого раздела дана в предпосланных им вступительных статьях.

В Приложении к тому помещены:

1. Конспект курса лекций по христианско-арабской литературе, читавшегося И.Ю. Крачковским в 1913–1915 гг.

2. Библиографическая справка о работах И.Ю. Крачковского, включенных в настоящее издание.

3. Краткое описание материалов по христианскому Востоку в архивном фонде И.Ю. Крачковского (СПбФРАН, ф. 1026, оп. 1, № 140–149, 246).

4. Сокращения.

5. Библиография.

6. Указатели.

Тексты работ И.Ю. Крачковского, включая архивные материалы, даются в авторской редакции, без каких бы то ни было изменений и сокращений. Статьи, опубликованные на арабском языке, даются в русском переводе. Примечания автора помечены арабскими цифрами, примечания составителей — римскими. Звездочки обозначают дополнения, внесенные автором в оттиски, хранящиеся в его личной библиотеке. Составители не считали должным расширять или дополнять современными вставками авторские примечания или же добавлять собственные, однако в необходимых случаях примечания, носящие технический характер (ссылки на «Избранные сочинения» или на настоящий том и др.), заключены в квадратные скобки.

В текстах в основном сохранена орфография и пунктуация автора. Библиографические ссылки отредактированы на основе современных стандартов; «глухие» ссылки по возможности раскрыты. Транскрипция арабских имен, названий и терминов унифицирована согласно принятым в отечественной арабистике правилам, изложенным в предисловии к первому тому «Избранных сочинений» И.Ю. Крачковского.

Разделы I, III и IV составлены и подготовлены к печати А.А. Долининой и Л.И. Николаевой при деятельном участии В.В. Полосина (1939–2014), которому принадлежит также перевод с арабского языка статьи «Христианско-арабские рукописи в петербургских библиотеках» (раздел III).

Раздел II составлен и подготовлен к печати С.А. Французовым, проделавшим большую работу по сверке и новому набору эфиопского текста («Из эфиопской географической литературы»); он же перевел на русский язык арабский текст «псалий» Такла Хайманоту.

Статья о жизни и творчестве И.Ю. Крачковского и Введения к разделам I, III, IV написаны А.А. Долининой; Введение к разделу II — С.А. Французовым. Сверку библиографии выполнила А. Юлгушева; указатели составлены Л.И. Николаевой.

Составители тома считают своим приятным долгом поблагодарить всех, кто оказал поддержку и содействие в подготовке настоящего издания: СПбФРАН во главе с И.В. Тункиной; Отдел литератур стран Азии и Африки РНБ во главе с Ю.П. Вартановым; Институт восточных рукописей РАН во главе с И.Ф. Поповой.

Особую признательность хочется выразить Ю.П. Вартанову, А.Г. Грушевому, Н.С. Прохоренко, Г.З. Пумпян, Э.С. Русиновой за постоянную готовность помочь советом и делом. Благодарим за посильную помощь наших молодых коллег Т.Г. Апакидзе, Е.Ю. Гинцбург, Е.В. Кулинич, М.И. Сивохо и в особенности В.М. Дзевановского, Л.Д. Пуцима и П.С. Тептюка.

Редакционная коллегия и составители тома также весьма признательны коллективу издательской фирмы «Восточная литература» во главе с С.М. Аникеевой, взявшему на себя труд подготовки настоящего издания.

Доктор филологических наук
А.А. Долинина

А.А. Долинина

ИГНАТИЙ ЮЛИАНОВИЧ КРАЧКОВСКИЙ. ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО

Игнатий Юлианович Крачковский — это целая эпоха в мировом востоковедении, его труды — классика науки XX в. Их изучают, цитируют, на них опираются, с ними сверяют свои выводы. Он получил признание не только на родине, но и за рубежом: был избран членом Арабской академии наук в Дамаске, Польского востоковедного общества, Немецкого востоковедного общества, Ассоциации исламских исследований в Бомбее, Иранской академии наук, Королевского Азиатского общества Великобритании и Ирландии, Польской академии наук, Фламандской академии наук, Азиатского института в Нью-Йорке, принимал участие в работе разнообразных международных объединений и комиссий. Вся жизнь И.Ю. Крачковского была посвящена науке о Востоке, арабскому миру, который он знал и любил.

И.Ю. Крачковский родился 4/16 марта 1883 г. в г. Вильно (Вильнюсе) в семье белорусского ученого-историка, автора ряда исторических и этнографических трудов о западном крае России, деятеля народного просвещения (он занимал должность инспектора народных училищ, затем директора Учительской семинарии и т.д.).

Отец, человек чрезвычайно организованный, преданный науке и книгам, установил дома строгий порядок: вся жизнь семьи была четко регламентирована, каждый был занят своим делом. Это сыграло важную роль в формировании личности И.Ю. Крачковского: именно в семье были заложены основы его невероятного трудолюбия и дисциплинированности в работе, привычка точно рассчитывать свое время, заполнять его до предела. Из семьи он вынес и страсть к чтению, и великое уважение к науке, и стремление в будущем заниматься ею.

В 1901 г. И.Ю. Крачковский с отличием окончил 1-ю Виленскую гимназию и в том же году поступил на арабско-персидско-турецко-татарский разряд Факультета восточных языков (ФВЯ) Санкт-Петербургского университета и поселился в студенческом общежитии в Филологическом переулке — «Коллегии Александра II».

И.Ю. был образцовым студентом «с необыкновенной культурной подготовкой, с необыкновенным умением работать, все понимать, во всем разбираться и быстро идти вперед»¹ — так вспоминал впоследствии его товарищ по

¹ *Алексеев В.М.* Наука о Востоке, с. 48.

Коллегии китаист В.М. Алексеев, будущий академик. Для расширения своего кругозора И.Ю. посещал и кое-какие лекции на Историко-филологическом факультете — по русской истории, древнерусской литературе, психологии, современной литературе, он был даже пассивным слушателем на занятиях у великого А.Н. Веселовского, создателя сравнительно-исторического метода в русском литературоведении.

На ФВЯ И.Ю. Крачковскому также посчастливилось учиться у замечательных ученых своего времени. Первым, благодаря кому он нашел свою «научную дорогу»², был Б.А. Тураев (1866–1920) — крупнейший специалист по истории Древнего Востока, христианскому (коптскому) Египту и Абиссинии, у которого он в течение трех лет (со II по IV курс) занимался эфиопистикой. Сначала И.Ю. заинтересовался эфиопским языком по родству его с арабским, а потом так увлекся, что готов был сделать эфиопистику своей специальностью. Эти необязательные для арабиста занятия шли как индивидуальные: на них, кроме И.Ю., присутствовал еще только один студент, который к занятиям не готовился и постоянно отказывался отвечать. Именно благодаря Б.А. Тураеву И.Ю. Крачковский, по его собственному признанию, оказался вовлеченным в «настоящую лабораторную научную работу»³, поскольку Б.А. Тураев предъявлял к ученикам серьезные требования — как к коллегам, а не как к школярам.

На третьем курсе И.Ю. Крачковский встретил среди учителей еще одну незаурядную личность — выдающегося ученого-историка Ближнего Востока и Центральной Азии, знатока ислама — В.В. Бартольда (1869–1930). У него И.Ю. слушал курс, носящий несколько необычное название: «Беседы по вопросам истории Востока». Предметом курса были пути поиска материалов для исследования, их интерпретация и критика, постановка исторических проблем. «На самом деле это была настоящая, очень серьезная обдуманная методология истории в применении к восточным вопросам... Другого такого курса я никогда не слышал и не думаю, чтобы он даже мог существовать»⁴.

Зародившийся еще на первых курсах Университета интерес И.Ю. к арабской поэзии получил поддержку и развитие на занятиях с главным учителем И.Ю. Крачковского — В.Р. Розеном (1849–1908) — арабистом и иранистом, учеником крупнейших европейских ориенталистов. Его труды, посвященные исследованию памятников арабской и персидской литератур, арабских источников по истории Византии и Восточной Европы, сочинений арабских географов и путешественников, были широко известны. Большое внимание он уделял изучению рукописных собраний, отечественных и зарубежных, составил несколько каталогов. В.Р. Розен не успел завершить все свои замыслы

² Крачковский И.Ю. Мои учителя, с. 167.

³ Крачковский И.Ю. Выдающиеся историки Востока, л. 13.

⁴ Там же, л. 15.

и издать всё, написанное им. Он видел перед собой еще одну очень важную задачу, задачу учителя и организатора науки. У него на первом плане всегда были не его собственные научные работы, а ученики и любимое детище его рук — «Записки Восточного отделения Русского Археологического общества», первый русский специальный востоковедный журнал. «Для своих учеников, — писал И.Ю. Крачковский в некрологе, — он не жалел ни сил, ни времени». Он был для молодых «не только надежным руководителем в науке, он был настоящим отцом по духу, умевшим оказать и нравственную поддержку, успокоить и утешить в тяжелые минуты невзгод или душевных страданий»⁵.

Вся дальнейшая научная, преподавательская и организаторская деятельность И.Ю. Крачковского показала, каким хорошим учеником он был, как много он сумел воспринять от своих учителей.

В декабре 1905 г. И.Ю. сдал государственные экзамены, в 1906-м получил золотую медаль за выпускное сочинение, отдельные части которого были сразу рекомендованы к печати, был оставлен при Университете для приготовления к профессорской деятельности и начал свою магистерскую подготовку под руководством В.Р. Розена. По ходу занятий и бесед с руководителем И.Ю. привязывался к нему все сильнее и сильнее. А для В.Р. Розена он был последним любимым питомцем, к которому отношение всегда особенно трепетное, в которого хочется вложить как можно больше. В.Р. Розен называл его своим Вениамином⁶.

Завершением арабистического образования И.Ю. Крачковского, уже после безвременной кончины руководителя, была командировка на Арабский Восток (1908–1910) и учеба в Бейруте, в Университете св. Иосифа. Об этом учебном заведении и его профессорах И.Ю. настолько подробно рассказал в своей статье «Восточный факультет Университета св. Иосифа в Бейруте» (см. с. 690 наст. тома), что мы не видим смысла сейчас на этом останавливаться. Необходимо подчеркнуть другое: несмотря на казалось бы «сугубо академическое» петербургское образование и тему магистерской диссертации о творчестве средневекового поэта, предполагающую усиленную работу над рукописями, И.Ю. Крачковский ехал за границу и с определенно сложившимся интересом к современному Востоку.

Так, среди задач его командировки первым пунктом значилось «знакомство с языком и бытом современных арабов — как подспорье при занятиях литературой классического периода», вторым — занятия в Университете св. Иосифа, третьим — ознакомление с современной литературой, «которая до сих пор совершенно незаслуженно игнорируется европейской наукой» и только потом — изучение рукописных памятников в местных библиотеках⁷.

⁵ Крачковский И.Ю. Памяти барона В.Р. Розена.

⁶ Крачковский И.Ю. Воспоминания ученика..., с. 275.

⁷ СПбФАРАН, ф. 1026, оп. 2, д. 243, л. 2.

В постижении живого Востока И.Ю. Крачковский преуспел не меньше, чем в работе над рукописями: он завязал связи с современными литераторами, научился свободно говорить на сирийском диалекте, усвоил арабские обычаи, так что под конец его пребывания на Востоке его даже местные жители постоянно принимали за сирийского араба — среди них много было голубоглазых и белокожих.

После возвращения в Россию вся дальнейшая жизнь И.Ю. Крачковского теснейшим образом была связана с Петербургом/Ленинградом, если не считать краткой командировки в Европу летом 1914 г., оборванной началом Первой мировой войны, и двух лет (лето 1942 — лето 1944), проведенных в Москве во время Второй мировой войны.

В 1910 г. И.Ю. Крачковский был зачислен в состав приват-доцентов ФВЯ, в 1915 г. защитил магистерскую диссертацию, в 1921 г. получил звание профессора. В 1916 г. начал одновременно работать в Азиатском музее АН, в 1921 г. был избран действительным членом АН.

Жизнь И.Ю. Крачковского не была богата внешними событиями, но в то же время полна драматизма, как драматично было и само время, в котором он жил. В эпоху революционного перелома он вступил, будучи уже сложившимся человеком, и не стал конформистом, не предал свою систему научных и нравственных воззрений, продолжал работать, как работал, насколько позволяла обстановка. Он пережил и арест в 1922 г. по обвинению в шпионаже, и угрозу расстрела, пострадал от ликвидации ряда научных направлений, особенно связанных с изучением религий, был свидетелем разгрома Академии — трагедии ее неперменного секретаря С.Ф. Ольденбурга, всеми силами пытавшегося спасти науку; в 30-е годы он оказался одним из объектов критики «реакционного буржуазного востоковедения» со стороны востоковедов-марксистов, пережил преследования и гибель учеников, а на рубеже 40–50-х годов был обвинен в панарабизме, космополитизме, преклонении перед Западом и т.д. и т.п.

Одной рукой казнили, другой старались приручить: дважды орденом Ленина награждали и даже Сталинской премии удостоили — правда, посмертно. Но приручить не смогли: он никогда не объявлял себя марксистом, не цитировал «классиков», никогда не каялся в своих «ошибках» и не просил пощады. Необходимость постоянного противостояния ускорила его кончину: он умер скоропостижно от сердечного приступа в ночь на 24 января 1951 г.

Не будучи бойцом по натуре своей, И.Ю. Крачковский в самых трудных ситуациях умел сохранять достоинство — свое и своей науки, не шел никогда против собственной совести, честно служил своему долгу перед наукой и перед людьми. Интенсивная работа — научная, преподавательская, организационная — ощущалась как главный путь к исполнению этого долга.

В Университете И.Ю. прочел более тридцати курсов, некоторые из них повторялись в течение многих лет. Список сделанных им научных докладов

превышает 350. От В.Р. Розена он принял эстафету организационной работы в арабистике, создания единой семьи востоковедов. В течение двух лет (1928–1930) у него на дому работал кружок арабистов, который пришлось ликвидировать, так как всякого рода частные кружки представлялись советскому правительству опасными, и люди поплатились за участие в них свободой, а то и жизнью. В 1934 г. уже официально, в рамках ИВАН, начала работу Ассоциация арабистов, проводившая регулярные заседания с научными докладами. И.Ю. Крачковский на этих заседаниях неизменно знакомил слушателей с новинками арабистической литературы. В 1935 и в 1937 гг. были проведены две всесоюзные сессии Ассоциации.

Во время первой блокадной зимы И.Ю. Крачковский курировал всю работу Ленинградского отделения АН, а после эвакуации в Москву организовал там Московскую группу ИВАН. Как и его учитель в свое время, И.Ю. был в первой половине XX в. «*spiritus movens*» отечественной научной арабистики.

Собственная научная работа И.Ю. Крачковского также шла практически без интервалов. Число его печатных трудов, включая посмертные публикации, составляет около 500, а целый ряд материалов еще остается в архиве.

И.Ю. Крачковский в своих трудах касался самых различных областей арабистики, но главным предметом исследований на протяжении всего его творческого пути оставалась арабская литература в самом широком смысле слова, то есть совокупность письменных памятников, созданных на арабском языке, как это вообще понималось в классическом востоковедении.

Подход И.Ю. Крачковского к литературе следует назвать филологическим, может быть даже текстологическим, так как исходным для него всегда было не какое-либо известное в науке или гипотетическое построение или теория, а памятник, его текст и интерпретация, брался ли он за тот или иной документ, историческую хронику, поэтическое творчество какого-либо автора или отдельное художественное произведение. При этом текст как таковой не являлся для него самодовлеющей величиной, а занимал свое место в широком литературном и историческом окружении.

Так, работая над магистерской диссертацией, посвященной творчеству поэта X в. Абū-л-Фараджа ал-Ва'вā Дамасского, И.Ю. использовал шесть рукописей его дивана, материалы из различных средневековых антологий и биографических словарей, рассмотрел историю литературного наследия поэта и проблему подлинности приписываемых ему произведений, технику стиха, язык, особенности поэтического стиля ал-Ва'вā, содержание его дивана — и все это в контексте придворной поэзии Хамданидского круга.

От частного исследования линия тянется к более общему — исследованию арабской поэтики, без понимания принципов которой подход к творчеству того или иного конкретного поэта окажется неполноценным. И здесь И.Ю. опять во главу угла ставит текст — издание и перевод «Книги о новом»

(= книги о поэтических тропах) Ибн ал-Му‘тазза (888). Напечатать текст удалось лишь в 1935 г. (и то за границей), но основное исследование и перевод датируются 1917 г., то есть временем непосредственно после магистерской диссертации. При этом И.Ю. не ограничивается исследованием только поэтики Ибн ал-Му‘тазза, а обращается ко всем известным его произведениям, ибо без них не получается полной картины.

Параллельно с этими капитальными диссертационными работами (а работа об Ибн ал-Му‘таззе в какой-то момент планировалась как докторская диссертация) то и дело появлялись исследования отдельных памятников или отдельных авторов: «Новозаветный апокриф» (1909), «ал-Мутанабби и Абӯ-л-‘Алā» (1910), «Поэт корейшитской плеяды» (1912), «Новая рукопись стихотворений Зў-р-Руммы» (1918), «Му‘тазилитский трактат VIII века о литературном творчестве» (1919), «Неизвестное сочинение-автограф эмира Усāмы» (1925), «Йūsuf ал-Магрибī и его словарь» (1926), «Неизвестная антология Ибн Маммāти» (1928) и др. Каждая такая статья вводила в научный обиход новое имя или новый памятник, а некоторые работы этого плана содержали критическое издание памятника, как уже упомянутая «Книга о новом» Ибн ал-Му‘тазза (1935) или «Послание об ангелах» Абӯ-л-‘Алā ал-Ма‘арри (1932), «Книга о ветре» Ибн Хāлавейха (1926) и др. Эти работы принесли ему мировую славу непревзойденного арабиста-филолога, который при издании и интерпретации текста не упускает ни одной казалось бы незначительной мелочи.

Эту оценку следует отнести и к изданию им исторических документов, свидетельством чему является статья «Грамота Иоакима IV» (1924), о которой еще придется говорить, и в полном смысле слова образцовое издание древнейшего арабского документа из Средней Азии (1934), когда И.Ю. показал себя достойным учеником В.В. Бартольда: «Блестящий историко-филологический анализ документа сделал эту работу классической в арабистической науке как в отношении метода анализа и истолкования памятника, так и в отношении критики арабских повествовательных источников»⁸.

Все историко-филологические работы И.Ю. Крачковского, как правило, связаны с рукописями, их описанием, дешифровкой, публикацией и включением их в определенный исторический и литературный контекст. Таким образом он, как и его учитель В.Р. Розен, внес неоценимый вклад в разработку отечественных рукописных собраний. В связи с этим следует сказать и о составленных им описаниях наших и зарубежных коллекций — «Арабские рукописи городской библиотеки в Александрии» (1915), «Арабские рукописи, поступившие в Азиатский музей РАН с Кавказского фронта» (1917), «Арабские рукописи из собрания Григория IV» (1924), «Арабские рукописи в Тюбингене» (1932) и др.

⁸ Беляев В.И. Предисловие к т. I Избр. соч. И.Ю. Крачковского, с. 10–11.

Выше упоминалось об интересе И.Ю. Крачковского к современному Востоку; одним из направлений этого интереса были его занятия новой арабской литературой. В этой области его часто называют первооткрывателем, но, как говорил сам И.Ю., это неверно: конечно, о существовании в арабских странах новой, современной литературы было известно и до него, он только был первым, кто стал изучать ее систематически как особый феномен арабской культуры. Вероятно, он был первым из европейских университетских ученых-арабистов, кто дерзнул взять для своей вступительной лекции тему из новой литературы — «Исторический роман в современной арабской литературе» (1910), заявив этим выбором, что новая арабская литература — объект, достойный серьезного научного исследования.

Благодаря завязавшимся во время поездки на Восток связям с арабскими литераторами, И.Ю. Крачковский и после революции поддерживал с ними переписку, время от времени получал книжные новинки и, сколько мог, знакомил арабистический мир с современной арабской литературой. Среди его корреспондентов были такие известные писатели, как Михаил Ну'айме, Амйн ар-Рейхāнī, Тāхā Хусейн, Махмūd Теймūr, а также известный филолог Ахмед Теймūr, отец Махмūда, председатель Арабской академии в Дамаске Мухаммед Курд 'Алй и др.

В круге его интересов были также памятники арабской исторической и особенно географической литературы (о некоторых из них нам еще предстоит говорить) и литература арабских христиан, о которой также речь пойдет впереди.

Из того, что здесь сказано, можно сделать скороспелый вывод, что И.Ю. Крачковский занимался только отдельными памятниками и никогда не стремился бросить некий обобщающий взгляд на исследуемый материал. Но это было бы неправильное заключение.

Во-первых, то значение, которое И.Ю. Крачковский придавал изучению связей и контактов арабской литературы в прошлом и настоящем («Арабский перевод „Илиады“», «Гомер и ал-Бируни», «Легенда о Георгии Победоносце в арабской редакции», «Арабские переводы Гулистана», «Фрагмент индийской реторики в арабской передаче», «Горький в арабской литературе» и др.), свидетельствует о том, что мыслил И.Ю. арабскую литературу не как нечто на себе замыкающееся, а в системе литературы мировой, что само по себе предполагает создание неких общих построений.

Во-вторых, перу И.Ю. Крачковского принадлежит несколько очерков истории развития отдельных жанров, как например «Арабская поэзия» (1924); этой статье он сам придавал большое значение как первой в Европе попытке «дать характеристику арабского поэтического творчества за все времена его существования до наших дней на основании анализа стиля»⁹. Как самое круп-

⁹ Крачковский И.Ю. Отчет о научно-организационной деятельности в АН за 1923 г. — СПбФАРАН, ф. 1026, оп. 2, д. 143, л. 3.

ное предприятие общего плана следует отметить историю арабской географической литературы (Избр. соч., т. IV) — давно вынашиваемый И.Ю. Крачковским и постепенно осуществляемый замысел, связанный, безусловно, с очень близкой ему темой, традиционной для русской арабистики («Арабские источники по истории народов СССР и Восточной Европы»), которой он посвятил немало работ и немало сил положил на организацию исследований в этой области. И, наконец, И.Ю. Крачковским был создан ряд общих очерков новоарабской литературы («Возникновение и развитие новоарабской литературы», «Новоарабская литература», «Арабская литература в XX веке» и др.), необходимость которых он, вероятно, ощущал особенно остро: ведь если в области средневековой арабской литературы имелись обобщающие работы, то здесь приходилось идти буквально по целине.

В-третьих, И.Ю. Крачковский отчетливо понимал назревшую необходимость полного продуманного очерка истории арабской литературы на современном уровне. Свое видение подхода к созданию такого свода И.Ю. изложил в обстоятельной статье «Общие соображения о плане истории арабской литературы» (1944), в которой он наметил программу создания подобной истории как органического целого, а не собрания монографий отдельных составителей. Истории арабской литературы такого уровня, как это мыслилось И.Ю. Крачковским, мы, увы, до сих пор не имеем.

Деятельность И.Ю. Крачковского по части перевода арабских литературных памятников на русский язык — еще одно свидетельство восприятия им арабской литературы как части литературы мировой. Здесь большую роль сыграло организованное А.М. Горьким в первые послереволюционные годы издательство «Всемирная литература», целью которого провозглашалось ознакомление читателей молодой советской республики с лучшими произведениями художественной литературы Европы, Америки и Востока в новых переводах, выполненных на научной основе. В работе издательства принимали участие многие известные писатели и ученые.

И.Ю. Крачковский еще в дореволюционные годы начал публиковать переводы из новоарабской литературы («Новая женщина» Қасима Амйна, 1912; «Избранное» Амйна Рейхāнй, 1917), но для «Всемирной литературы» им был составлен обширный последовательный план, который по возможности реализовывался и после ликвидации издательства в 1924 г. И.Ю. Крачковский привлек к работе своих учеников, выступая в качестве редактора их переводов. Так появились на свет переводы ряда классических арабских литературных памятников — «Калйла и Димна», «Мудрость Хикāра», «Басни Лукмāна», «Книга назидания» Усāмы ибн Мунқиза, «Роман о Хайе, сыне Яқзāна» Ибн Тұфайля и, наконец, великолепное восьмитомное издание «Тысячи и одной ночи». Сам И.Ю. перевел кроме того немало произведений современных арабских авторов; часть их была опубликована уже посмертно, а кое-что до сих пор лежит в архиве.

Переводы художественной литературы — один из видов популяризаторской деятельности. Но у И.Ю. Крачковского эта деятельность не ограничивалась переводами и предисловиями к ним. Такие его статьи, как упоминавшаяся уже «Арабская поэзия», а также «Арабская культура в Испании», «Арабская поэзия в Испании», «Арабские географы и путешественники» и др., написаны так, что при всем их высоком научном уровне они вполне доступны для восприятия читателем-неспециалистом, интересующимся данной проблемой.

Вершиной популяризаторского мастерства И.Ю. Крачковского стала его знаменитая книга «Над арабскими рукописями. Листки воспоминаний о книгах и людях» (1945–1946), большая часть которой была написана во время эвакуации в Москве, когда И.Ю. был оторван от необходимых для научной работы материалов. Эта книга раскрывала перед читателем лабораторию подлинного научного творчества, мир повседневного кропотливого труда и в то же время — мир чистый и возвышенный, о котором автор рассказывает не затертыми штампованными фразами, а своими собственными идущими от души словами, с подкупающей искренностью и добротой по отношению к покойным учителям и ученикам, к читателю. Книга, такая необычная, пользовалась огромной популярностью и была переведена на многие языки.

«Арабские рукописи» тесно связываются с одним из любимейших направлений научной деятельности И.Ю. — с историей востоковедения, к которой он подходил с такой же скрупулезной тщательностью, как и к исследованию рукописей. Пример тому — великолепная монография «Шейх Тантави, профессор С.-Петербургского университета» (1929), где по кусочкам из самых разнообразных, но всегда достоверных источников воссоздается жизнь этого незаурядного египетского ученого, навсегда связавшего свою судьбу с Россией. И.Ю. Крачковским создана целая галерея портретов русских и европейских востоковедов и солидный, но в то же время популярен написанный труд «Очерки по истории русской арабистики» (1950), показывающий роль этой науки в комплексе отечественных культурных ценностей.

В известной степени с этой темой смыкаются написанные в разные годы библиографические обзоры и многочисленные рецензии на труды востоковедов различных направлений: для И.Ю. Крачковского без знакомства с арабистической научной продукцией нет истории арабистики. Но к теме истории науки в творчестве И.Ю. Крачковского и его отношении к библиографической работе нам еще предстоит вернуться.

Подробнее будет сказано и о лингвистической линии в исследованиях И.Ю. Крачковского — линии, которая по не зависящим от него причинам не получила полного развития, а потому и должной оценки в нашей науке. Его интересы в области исторической диалектологии нашли отражение в статьях и рецензиях раннего периода творчества, и читатель этого тома сможет познакомиться с большей их частью. Предисловия И.Ю. Крачковского к извест-

ным лингвистическим пособиям — таким, в частности, как «Грамматика арабского литературного языка» Н.В. Юшманова (1928) или «Арабско-русский словарь» Х.К. Баранова (1941–1946), корректуры которого он сам читал блокадной зимой в Ленинграде, — показывают его прекрасное владение библиографическим материалом и в этих областях.

Исламоведение также не было приоритетным направлением в научной работе И.Ю. Крачковского, хотя первой его печатной работой (1904) была как раз исламоведческая — рецензия на книгу С. Глаголева «Ислам», поразившую его, тогда еще студента, «своим невежеством, соединенным при том с удивительно беззастенчивыми нападками на европейских ориенталистов»¹⁰. Потом был перевод книжки И. Гольдциера «Ислам» (1911), несколько небольших заметок по частным вопросам (главным образом в связи с рукописями) и участие в международном проекте «Конкорданс к мусульманскому преданию» (1936–1938).

Но главным вкладом И.Ю. Крачковского в исламоведение был перевод Корана, законченный в 1928 г., не доведенный, однако, до полной готовности к публикации и изданный посмертно (1963) в том виде, как он сохранился в архиве. Представляется, что И.Ю. Крачковский, принимаясь за перевод, подходил к Корану не столько как к религиозной книге, сколько как к литературному памятнику определенного времени, и такой подход нашел свое отражение в переводе. Да и сама идея перевода возникла в связи с планами «Всемирной литературы». Тем не менее, за этим переводом стоит огромная исламоведческая работа — изучение комментариев, переводов на разные языки и всей доступной научной литературы по теме. Издание это, неоднократно повторявшееся, не потеряло своего значения до наших дней.

В ходе его филологических и текстологических изысканий И.Ю. Крачковскому приходилось касаться и тех областей арабистики, в которых он не считал себя специалистом, и эти попытки оказывались успешными. Так, например, в статье об арабском документе из Средней Азии он выступает не только как филолог, но и как историк и как палеограф; есть у него статьи и по сабеистике («Южноарабский амулет», 1917; «Две южноарабских надписи в Ленинграде», 1931). Из смежных с арабистикой областей, которыми И.Ю. Крачковский занимался, следует отметить эфиопистику. Его работы в этом направлении смыкаются с трудами по христианско-арабской литературе; обе линии представляют два равнозначных аспекта его интереса к христианскому Востоку. На истоках этого интереса необходимо остановиться подробнее, дать общую характеристику его трудов с восточнохристианской тематикой, определив их место в обширном комплексе научного наследия ученого.

Шесть больших томов «Избранных сочинений» И.Ю. Крачковского, опубликованные в 1955–1960 гг. стараниями его вдовы, также арабиста В.А. Крач-

¹⁰ Из письма к сестре. СПбФРАН, ф. 1026, оп. 3, д. 26, л. 95.

ковской при поддержке сотрудников Арабского кабинета ИВАН и Кафедры арабской филологии Восточного факультета ЛГУ, охватывают далеко не все научное наследие ученого; в частности, бóльшая часть работ, вошедших в настоящий том, печатается впервые после 80–100-летнего перерыва, а некоторые до сих пор хранились в архиве И.Ю. Крачковского (СПбФАН, ф. 1026).

А.А. Долинина

ТРУДЫ И.Ю. КРАЧКОВСКОГО,
ПОСВЯЩЕННЫЕ КУЛЬТУРЕ
ХРИСТИАНСКОГО ВОСТОКА

Тот, кто знакомился с научными трудами И.Ю. Крачковского только по упомянутому выше шеститомнику его «Избранных сочинений», изданному в 1955–1960 гг., вряд ли может себе представить, что в начале своего пути он — и довольно долго — мечтал сделать своей основной специальностью изучение христианского Востока, и вынужденный отказ от этой мечты, как он сам писал, слегка перефразируя выражение одного средневекового арабского автора, остался раной на всю его жизнь¹.

Действительно, если посмотреть список публикаций И.Ю. Крачковского за дореволюционные годы (1907–1916), то треть из них (28 из 85) посвящена христианскому Востоку, а если взять самые первые три года, то сравнительный объем «христианских» публикаций составит более половины (11 из 18).

Первоначальные истоки этого «христианско-восточного синтеза», по-видимому, следует искать в семье: оба деда И.Ю. Крачковского принадлежали к духовному сословию, отец окончил Санкт-Петербургскую Духовную академию, а тягу И.Ю. к Ближнему Востоку могли навеять очень ранние детские впечатления, когда семья Крачковских несколько лет провела в Ташкенте и мальчик, по семейной легенде, заговорил по-узбекски раньше, чем по-русски.

Так или иначе, юный Крачковский уже в последних классах гимназии определил свой дальнейший путь: «После гимназии я твердо и бесповоротно решил идти на восточный факультет, имея в виду ученую деятельность. Если же, чего Боже упаси, придется бросить восточный факультет, с той же целью перейду на филологический по классическому отделению. Если же и это не удастся, то — в монахи или в какую-нибудь восточную миссию, или здесь в простом звании»². Получается, что еще тогда, в этой предположительной картине, он вольно или невольно связывает Восток с христианской деятельностью (наука или миссионерство).

¹ *Крачковский И.Ю.* Испытание временем, с. 576. И.Ю. Крачковский имеет здесь в виду фразу из мемуарного сочинения средневекового арабского писателя Усамы ибн Мункиза (1095–1188) «Книга назидания», где он говорит, что потеря его библиотеки, погибшей на корабле, разграбленном и потопленном крестоносцами, «осталась раной на всю мою жизнь» (*Усама ибн Мункыз*. Книга назидания, с. 82).

² СПбФАРАН, ф. 1026, оп. 2, д. 4, л. 74.

Правда, поступив в 1901 г. на арабско-персидско-турецко-татарский разряд ФВЯ, И.Ю. Крачковский сначала колеблется между арабистикой и иранистикой. Решающую роль в направлении его интересов в сторону именно христианского Востока сыграл профессор Б.А. Тураев, у которого И.Ю. в течение трех лет посещал занятия по эфиопскому языку, а также семинары по истории Абиссинии и истории абиссинской письменности. Как уже говорилось, по учебному плану эти занятия не были обязательными, однако они так его увлекли, что он был бы готов специализироваться по абиссиноведению, но Университет не имел соответствующей кафедры (Б.А. Тураев был профессором кафедры истории Древнего Востока на историко-филологическом факультете) и, следовательно, нужно было в рамках своего разряда сосредоточиться на наиболее близкой специальности — арабистике, и Б.А. Тураев это решение одобрил. Таким образом, И.Ю. Крачковский окончил ФВЯ как арабист (у него и выпускное сочинение было соответствующего плана), пройдя при том солидную школу эфиопистики.

Другой главный Учитель И.Ю. Крачковского, В.Р. Розен, ставший его наставником после окончания университетского курса и оставления его при ФВЯ, первый из русских ученых обративший серьезное внимание на христианско-арабскую литературу и приступивший к изучению христианско-арабских исторических памятников, также одобрял склонность И.Ю. к христианскому Востоку и даже предполагал, что его ученик, писавший магистерскую диссертацию по рукописям ал-Ва'вā Дамасского, придворного поэта Хамданидов (X в.), в основу своей будущей докторской положит скопированную им тайком от руководителя огромную рукопись легенды о чудесах архангела Михаила: «Сверх ожидания он не рассердился, а очень весело сказал: „Ну вот и отлично! Магистерскую диссертацию Вы сделаете из Вава, а докторскую из Михаила“»³.

Следующим этапом приближения И.Ю. к христианско-арабской тематике стало полученное им предложение взять на себя составление полугодовой периодической библиографии по христианско-арабской литературе и эфиопистике для журнала «Византийский временник». Первым об этом заговорил — пока, очевидно, неофициально — Б.А. Тураев. 19 января 1906 г. И.Ю. Крачковский записывает в дневнике: «Я сильно побаиваюсь, хотя чувствую, с другой стороны, что нужно же когда-нибудь за дело браться. Насчет арабской еще, пожалуй, можно подумать, а эфиопская пусть подождет»⁴. А в марте он получил приглашение, уже официальное, через В.Р. Розена, который рекомендовал редактору «Византийского временника» проф. В.Э. Регелю привлечь к этой работе именно молодого Крачковского.

Выбор был не случаен: если даже предположить, что В.Р. Розен к этому моменту еще не успел как следует узнать все возможности своего ученика, то

³ Крачковский И.Ю. Над арабскими рукописями, с. 59.

⁴ СПбФАРАН, ф. 1026; оп. 2, д. 4, л. 142.

Б.А. Тураев за три года занятий с Крачковским безусловно мог оценить его аккуратность и исполнительность, его любовь к книге, постоянное стремление достать и прочесть все, имеющее касательство к его специальности.

У Крачковского было редкое для столь молодого человека пристрастие к библиотечной и библиографической работе. Он и сам говорит об этом: «В Университет я поступил с вполне осознанной склонностью к библиотечно-научной работе, вначале преимущественно к первой»⁵ или, в другом месте: «Библиография всегда меня привлекала»⁶. Подтверждают это «книжное пристрастие» и многие факты его биографии: в гимназические годы — целые дни, проводимые во время каникул в знаменитой домашней библиотеке над погребом⁷ за чтением исторических журналов («Русский архив», «Русская старина» и т.д.), составление каталога этой библиотеки (за последнее гимназическое лето, например, написал около 1000 карточек), а в великом горе — потере Учителя, В.Р. Розена, — единственным спасением была опять же библиотека, запойное поглощение научной литературы по арабистике, которую «по молодости хотелось охватить чуть ли не за три века»⁸. Тут вспоминается и каталогизация библиотеки В.Р. Розена, отданной его вдовой на ФВЯ, которую, до возвращения И.Ю. с Востока, факультет никому не хотел поручить⁹ и, на протяжении всей его творческой деятельности, бесконечное количество докладов с обзорами новой научной литературы, обилие тематических библиографических карточек в архиве; можно упомянуть и такое свидетельство из его переписки с академиком В.М. Алексеевым:

*И.Ю. Крачковский — В.М. Алексееву*¹⁰
30 ноября 1943 г.
Москва

...Для Московского университета я обещал написать историю арабистики (русской) с начала до наших дней. Буде я дома, где у меня и словари и все выписки, это было бы, конечно, просто, а здесь пришлось писать из головы и, понятно, без всяких ссылок. Написал около двух листов, приложив только суммарную библиографию (названий 50–60).

*В.М. Алексеев — И.Ю. Крачковскому*¹¹
17 декабря 1943 г.
Боровое (Казахстан)

...«Названий 50–60 по памяти!» — вот это так карточка для моего завтрашнего доклада здесь: «Роль памяти в жизни и деятельности ученого»... Такой

⁵ Крачковский И.Ю. Мои учителя, с. 167.

⁶ Крачковский И.Ю. Испытание временем, с. 575.

⁷ Крачковский И.Ю. Над арабскими рукописями, с. 31.

⁸ Там же, с. 16.

⁹ Крачковский И.Ю. Из письма к сестре. — СПбФАН, ф. 1026, оп. 3, д. 26, л. 271–272.

¹⁰ Переписка В.М. Алексеева и И.Ю. Крачковского, с. 312.

¹¹ Там же, с. 317–318.

памяти, как у Вас, у меня, дорогой мой, нет, и не только 50–60, а 10 названий личных я дать не могу...»

Конечно, то, о чем мы читаем в письмах 40-х годов, — результат долгого опыта, многолетней библиографической практики. Но для того, чтобы такой результат был достигнут, тогда, в начале, все удивительно сошлось: и необходимость оживить «Византийский временник» путем расширения отдела христианского Востока, и настоятельная потребность усилить библиографическую службу в этой области, и обретение в лице И.Ю. Крачковского самого подходящего кандидата — у него и начитанность большая, и вкус к библиографической работе, и аккуратность, и добросовестность. Он очень молод — значит, у него не может быть особых амбиций, наоборот, предложение должно быть для него лестным, а главное — это очень полезная школа для молодого ученого, на которого учителя возлагали большие надежды.

Стоит ли говорить, что И.Ю. принял предложение учителя с большой радостью и сразу включился в работу, подготовив к осени 1906 г. около 40 маленьких, а иногда и не очень маленьких рецензий, занявших 110 рукописных страниц. В большинстве своем это были именно рецензии, а не беспристрастные информации о книгах; две из них по причине большого объема пришлось даже изъять из общего обзора и напечатать, по рекомендации В.Р. Розена, в виде отдельных статей в ЗВО, о чем подробнее будет сказано в предисловии к разделу III.

Через много лет, оценивая значение этой работы для своей дальнейшей научной деятельности, И.Ю. Крачковский напишет: «Она оказалась исключительно полезной и в известной мере определила мои интересы на очень длительный срок»¹². Дело было не только в том, что в процессе ее шлифовались библиографические навыки и корректировалось мастерство критики, которая, по словам самого И.Ю., в первых его рецензиях отличалась резким, неприятным тоном¹³, — погружение в эту работу дало И.Ю. Крачковскому возможность охватить все, что делалось в это время в области изучения христианского Востока, и наметить основные линии исследования христианско-арабской литературы, которые он показал в публикуемом здесь впервые развернутом письменном ответе на магистерском экзамене — в так называемой «клаузорной» работе, «когда экзаменующихся сажали в отдельную аудиторию, а секретарь в запечатанном конверте приносил заданную руководителем тему»¹⁴.

И.Ю. Крачковский начинает свой ответ с определения объема понятия «христианско-арабская литература», исключая из него всех авторов-христиан, чьи произведения ничем не отличаются от памятников общемусульманской литературы в Средние века и в Новое время. Рассматривая в собственно-хрис-

¹² Крачковский И.Ю. Испытание временем, с. 575.

¹³ Там же, с. 574.

¹⁴ Крачковский И.Ю. Воспоминания ученика о бароне В.Р. Розене, с. 272.

тианской литературе две группы жанров — исторические и богословские произведения, он подчеркивает роль переводов (с греческого, сирийского, коптского, латинского), особенно в тех случаях, когда подлинники утрачены. Он особо останавливается на значении легенд, апокрифов, притч и т.п., дающих материал как для понимания «внутренней жизни» христиан Востока, так и для истории мировой литературы и фольклора, в частности, что касается перехода сюжетов от одного народа к другому. Помимо того И.Ю. указывает на чрезвычайно важное значение христианско-арабских литературных памятников в лингвистическом отношении, поскольку они отражают живой язык своего времени, не скованный кораническими нормами, и представляют тем самым ценный материал для истории арабского языка.

Работа занимает три больших листа (in folio), исписанных с обеих сторон четким почерком, почти без помарок; наверху первого листа размашистая резолюция В.Р. Розена: «Удовлетворительно» и дата — 21 октября 1907 г. Как вспоминал позже И.Ю. Крачковский, по поводу этой работы В.Р. Розен «сделал мне какое-то замечание, а рукопись впоследствии, уже в 20-х годах, вернулась ко мне не помню какими путями»¹⁵.

Итак, вполне зрелая вещь. Автору 24 года, он, по нынешним меркам, всего на втором курсе аспирантуры. Конечно, возникла она не вдруг, из каких-то носящихся в воздухе «общих мыслей» — к этому времени у него уже прореферирован и критически оценен целый ряд современных научных сочинений по христианско-арабской литературе, преимущественно европейских и арабских; это нашло отражение в первом библиографическом обзоре для «Византийского временника» (Arabica 1) и в рецензиях на работы Г. Графа и П. Пестерса (см. с. 616–623 и 624–630 наст. тома). Кроме того шла уже самостоятельная работа над рукописями арабских апокрифов и легенд.

И все-таки, даже зная все это, нельзя не поражаться четкости и последовательности мысли юного магистранта в определении объема материала и задач исследования в широком лингвистическом и литературоведческом плане. В дальнейшем будет видно, как с ориентировкой на эту программу вырастают его отдельные статьи, посвященные конкретным вопросам.

Укреплению интереса к христианско-арабской тематике способствовало и пребывание на Востоке. Посещая ливанские монастыри в поисках рукописей, И.Ю. познакомился с жизнью тамошнего православного монашества, что навсегда покончило с его юношеской мечтой (если не получится с наукой, пойти в монахи); он общался с людьми разных сословий и настолько вник в окружающую его среду, что, как уже было сказано, свободно мог сойти за араба. В то же время он соприкоснулся с настоящей современной христианской арабской наукой благодаря занятиям в Университете св. Иосифа и общению с его профессорами, в первую очередь Л. Шейхо, крупнейшим специалистом в области христианско-арабской литературы. Знакомство с арабскими

¹⁵ Там же.

библиотеками, поиски рукописей — все это способствовало расширению кругозора в области христианско-арабской литературы и введению ее в контекст общеарабской культуры.

По возвращении с Востока работа над христианско-арабской и эфиопской тематикой развивается параллельно с занятиями средневековой арабской поэзией, связанными с подготовкой магистерской диссертации — здесь, как всегда у И.Ю. Крачковского, прикосновение по ходу работы к тем или иным побочным темам превращалось в самостоятельные исследования. Кроме того, возникало, очевидно, стремление к более широкому охвату и осмыслению арабской литературы в целом, а не только ее периферийной стороны; помимо этого, университетское преподавание и работа над рукописями в Азиатском музее подбрасывали все новые и новые сюжеты, не всегда с христианско-арабской литературой связанные. Вышло так, в частности, что докторскую диссертацию И.Ю. стал писать по арабской поэтике («Китаб ал-бади'» Ибн ал-Му'тазза) вопреки предположению (или даже пожеланию?) В.Р. Розена.

Но христианский Восток все время остается в поле зрения И.Ю. Крачковского. Он читает университетский курс по христианско-арабской литературе, ему открываются связи между христианскими и мусульманскими авторами, памятниками, сюжетами. Он активно сотрудничает в основанном в 1912 г. журнале «Христианский Восток», в каждом его томе непременно содержится по 2–3 статьи И.Ю., и поскольку он продолжает систематически следить за всеми публикациями по христианскому Востоку, отечественными и зарубежными, на страницах нового журнала появляются подготовленные им библиографические обзоры, рецензии и мелкие заметки о новых книгах.

Но общим обзорам скоро пришел конец, ибо Первая мировая война, а затем российская революция прервали международные научные связи, и получение материалов из-за границы стало в значительной мере случайным. Нарушилась регулярность выхода научных журналов, а «Христианский Восток» в 1924 г. вообще прекратил свое существование по идеологическим мотивам; т. VII, набранный и отпечатанный, так и не увидел света, статьи его разошлись неофициально в небольшом количестве отдельных оттисков.

По тем же идеологическим мотивам работы, тематика которых была так или иначе связана с религией (не с антирелигиозной пропагандой, разумеется), почти не появлялись и в других научных органах. «От занятий этой литературой уже с начала 20-х годов пришлось окончательно отказаться»¹⁶, — вспоминал И.Ю. Крачковский в «Испытании временем». Это было, по его словам, тем более горько, что в этой области он чувствовал «большую мощь нашей науки, как чувствовали это и Тураев, и Марр». И о себе самом сказано с той же горечью: «Кое-что в этом направлении было мною сделано, и мне думается, что здесь я достиг бы серьезных результатов»¹⁷.

¹⁶ Крачковский И.Ю. Испытание временем, с. 576.

¹⁷ Там же.

Если говорить о публикациях И.Ю. Крачковского, относящихся к христианскому Востоку, во второй половине 20–40-х годов, то теперь они сводятся в основном к рецензиям, некрологам и описаниям рукописей — из этого материала кое-что попало и в шеститомник. Некоторые же работы, как, например, переводы апокрифических Евангелий, до настоящего времени оставались в архиве.

Порой, впрочем, в печать проникало и кое-что, с рукописями не связанное, как, например, статья о первом арабском описании путешествия в Южную Америку (1947) — по заглавию не было видно, что путешественник происходил из рода несторианских патриархов и имел тесные связи с Папой Римским. А уж история патриарха антиохийского Макария (1949), путешествовавшего в XVII в. в Россию, явно отвечала культивирующимся в СССР в конце 40-х годов патриотическим настроениям.

Больше повезло эфиопистике. Эта тематика стала «модной» с середины 30-х годов, когда Абиссиния оказалась жертвой итальянской агрессии. Появилась возможность опубликовать кое-что из наследия акад. Б.А. Тураева, а также — собственную статью об абиссинской литературе. Эта линия трудов И.Ю. Крачковского нашла достойное завершение созданием университетского курса «Введение в эфиопскую филологию» (1948–1949), обработанного автором в виде законченной книги, посвященной памяти Учителя — Б.А. Тураева и изданной посмертно в 1955 г. благодаря инициативе и стараниям проф. Д.А. Ольдерогге.

Будем надеяться, что с публикацией этого тома научное наследие И.Ю. Крачковского раскроется перед востоковедами с надлежащей полнотой благодаря тому, что труды его по христианскому Востоку займут теперь подобающее им место при рассмотрении и оценке его многообразного творчества.

СОДЕРЖАНИЕ

От составителя тома (<i>А.А. Долинина</i>)	3
<i>А.А. Долинина</i> . Игнатий Юлианович Крачковский. Жизнь и творчество	9
<i>А.А. Долинина</i> . Труды И.Ю. Крачковского, посвященные культуре христианского Востока	20

Раздел I

ХРИСТИАНСКО-АРАБСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

<i>А.А. Долинина</i> . Введение	29
Христианско-арабская литература и ее значение	37
Новозаветный апокриф в арабской рукописи 885–886 г. по Р.Х.	41
Арабская версия легенды о Талассионе	66
Рассказ об одном из чудес Архангела Михаила, сотворенном в Палестине	74
Легенда о св. Георгии Победоносце в арабской редакции	82
К истории севастиийской епархии в IV веке	96
Одна из мелькитских версий арабского синаксаря	98
«Благодатный огонь» по рассказу ал-Бирўни и других мусульманских писателей X–XIII вв.	107
Абу Хузейфа бухарец и легенда о св. Георгии Победоносце	122
Федор Абу Курра у мусульманских писателей IX–X веков	130
Евангелие Детства	138
История Иосифа Плотника	162
Жития коптских святых. Предисловие	176
О переводе Библии на арабский язык при халифе ал-Ма'муне	178
Христиане и христианские термины у мусульманского поэта XII века в Багдаде	185
Грамота Иоакима IV, патриарха антиохийского, львовской пастве в 1586 г.	192
Предисловие [к кн.: История Йахйи ибн Са'йда Антиохийского, продолжателя Са'йда ибн Битрийка]	201
Оригинал Ватиканской рукописи арабского перевода Библии	204
К описанию арабских рукописей публичной библиотеки	208
Фархат	217
Введение [к «Повести о Варлааме и Иоасафе»]	221
Первое арабское описание путешествия в Южную Америку	231
Описание путешествия Макария Антиохийского как памятник арабской географической литературы и как источник для истории России в XVII веке	237

Раздел II ЭФИОПИСТИКА

<i>С.А. Французов</i> . Эфиопистические работы И.Ю. Крачковского и их значение	257
Арабская версия «псалий» Такла-Хайманоту	261
Приложение (пер. и коммент. <i>С.А. Французова</i>)	265
Памятники эфиопской письменности XI. <i>Fragmenta geographorum aethiopicorum</i> . Из эфиопской географической литературы	268
Зара-Якоб или Джусто да Урбино	301
Приложение: Рец. на: <i>Mittwoch E. Die angeblichen abessinischen Philosophen des 17. Jahrhunderts</i> . MSOS, XXXVI, 1933	310
Абиссинский магический свиток из собрания Ф.И. Успенского	312
Предисловие [к работе Б.А. Тураева «Абиссинские хроники XIV–XVI вв.»]	317
Предисловие [к «Сказанию о походе царя Амда Сиона» из работы Б.А. Тураева]	321
Литература Абиссинии	325
Введение в эфиопскую филологию	339

Раздел III БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ, КАТАЛОГИ РУКОПИСНЫХ КОЛЛЕКЦИЙ

<i>А.А. Долинина</i> . Введение	543
---------------------------------------	-----

Библиографические обзоры

Arabica 1	549
Arabica 2	568
Дополнение к Arabica	
Рец. на: <i>A. Rabbath. Un nouveau document du patriarche copte Gabriel VIII</i>	582
Рец. на: <i>M.A. Raad. La capitale de l'Éthiopie</i>	582
<i>Al-Machriq. Revue Catholique Orientale Mensuelle</i> . 1911, XIV	583
<i>Al-Machriq. Revue Catholique Orientale Mensuelle</i> . 1912, XV	587
Christiano-arabica 1912–1914 гг.	593
Mélanges la Faculté Orientale, t. VII, 1914–1921	610

Рецензии

<i>Georg Graf. Der Sprachgebrauch der ältesten christlich-arabischen Literatur</i> . Lpz., 1905	616
<i>Paul Peeters. Une version arabe de la Passion de Sainte Cathérine d'Alexandrie</i> . AB, 1907, XXVI, p. 5–32	624
Kitab al-‘Unwan. Histoire universelle écrite par <i>Agapius</i> (Mahboub) de Menbidj. Paris, s.a.	631
<i>А.А. Васильев</i> . История Византии. Византия и крестоносцы. Пб., 1923	636
<i>Cohen M. Études d'éthiopien meridionale</i> . P., 1931	638
<i>Sbath P. Bibliothèque de Manuscrits Paul Sbath. Catalogue</i> . T. III. Cairo, 1934	641

Каталоги, краткие описи коллекций

Эфиопские рукописи в Азиатском музее РАН	645
Записка о собрании эфиопских рукописей акад. Б.А. Тураева	647
Арабские рукописи из собрания Григория IV, патриарха Антиохийского	649
Христианско-арабские рукописи в петербургских библиотеках (пер. и вступит. ст. <i>В. Полосина</i>)	667

Раздел IV
ВОСТОКОВЕДЫ
И ХРИСТИАНСКИЙ ВОСТОК

<i>А.А. Долинина. Введение</i>	681
От переводчика [к статье К. Брокельмана. «Христианско-арабская литература»]	688
Восточный факультет университета св. Иосифа в Бейруте	690
Предисловие переводчика [к статье Г. Гуссена. «Христианско-арабская литература Мозарабов»]	720
О. Анастас, кармелит	722
Б.А. Тураев и христианский Восток	726
Посмертные работы акад. Б.А. Тураева	737
Памяти о. Л. Ронзевала	738
[Письмо ректору Университета св. Иосифа в Бейруте в связи с кончиной Л. Шейхо]	743
Н.Я Марр и памятники арабской литературы	744

ПРИЛОЖЕНИЯ

Библиографическая справка о работах И.Ю. Крачковского, включенных в настоящий том	755
Материалы архивного фонда И.Ю. Крачковского по христианскому Востоку	763
Конспект курса лекций по христианско-арабской литературе, читавшегося И.Ю. Крачковским на ФВЯ Петербургского университета	768
Сокращения	794
Библиография	796
Аннотированный указатель имен	820
Указатель географических и топографических названий	857
Указатель названий сочинений	865

Научное издание

Крачковский Игнатий Юлианович

**ТРУДЫ
ПО ИСТОРИИ И ФИЛОЛОГИИ
ХРИСТИАНСКОГО ВОСТОКА**

*Утверждено к печати
редколлегией серии
«Классики отечественного востоковедения»*

Редактор *Г.О. Ковтунович*

Художник *Э.Л. Эрман*

Технический редактор *О.В. Волкова*

Корректор *Н.Н. Щигорева*

ISBN 978-5-02-036578-0

